

Мясницкий Иван Ильич

Мужья и жены

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Ильич М.**
Мужья и жены / Мясницкий Иван Ильич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 315 с.

ISBN 978-5-519-98472-0

ISBN 978-5-519-98472-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

довъ каждого человѣка? Вспоминая эти годы, какъ-то самъ дѣлаешься лучше, моложе и невольно стряхиваешь съ своихъ плечъ накипь и горечь навязанныхъ жизнью зрѣлыхъ лѣтъ. Весь ужасъ каждого человѣка, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что когда онъ молодъ и счастливъ, счастливъ уже по тому одному, что молодъ и не понимаетъ всей пошлости жизни, онъ не сознаетъ счастья; когда же человѣкъ начинаетъ понимать что такое счастье, онъ уже чувствуетъ, что его безсознательно прожилъ, что оно осталось позади, а впереди... осталась одна философія!

Оставимъ мы эту философію и вернемся къ разсказу.

Воспоминанія потянули меня въ «Старые Лопухи». Мнѣ даже стало совѣстно, что я, кромѣ поздравительныхъ писемъ въ высокосторжественные дни, ни разу не подумалъ, что въ этихъ «Старыхъ Лопухахъ» живутъ люди, близкіе мнѣ и по крови, и по духу, люди, которые меня любятъ и которыхъ я самъ, если и не люблю, то, во всякомъ случаѣ, уважаю глубоко и какъ добрыхъ родственниковъ, и какъ хорошихъ, безукоризненно нравственныхъ людей. Сборы мои были не долги. Пара платья, два-три растрепанные номера журнала, нѣсколько паръ бѣлья... et voilà tout, какъ говоритъ «Бѣдный Іонафанъ» въ опереткѣ того же имени.

Далъ дядѣ телеграмму, что ѣду, и поѣхалъ.

Встрѣча была торжественная. На станціи

железной дороги, отъ которой «Старые Лопухи» отстоятъ что-то верстахъ въ пятнадцать, я былъ встрѣченъ дядей, почтеннымъ старикомъ, одѣтымъ, благодаря деревенской простотѣ, довольно небрежно, но тщательно выбритымъ и даже вспыснутымъ чѣмъ-то особенно духовитымъ, и сыномъ, а моимъ кузиномъ Петей, только - что кончившимъ юридическій курсъ въ N-скомъ университетѣ. Лобызались мы что-то долго. Да оно и понятно. Почтенный дялюшка, живя въ захолустьи, такъ отвыкъ отъ этихъ лобызательныхъ экспериментовъ, что накинулъ на меня, на совсѣмъ, такъ сказать, свѣжаго человѣка, какъ проголодавшаяся муха на медъ, и замучилъ своими объятіями. Вырвавшись отъ него, я попалъ въ широко раскинутыя, скорѣе похожія на медвѣжьи лапы, руки кузена и... я удивляюсь, какъ я остался живъ отъ этихъ кузеновскихъ объятій. Шутъ знаетъ что такое! Посинѣлъ даже, кажется, отъ недостатка воздуха, до того онъ меня притиснулъ къ своей точно изъ стали выкованной груди.

— Однако, братъ, ты того,—произнесъ я, освободившись отъ его родственнаго энтузіазма и втягивая въ свои сжатые легкія воздухъ,—медвѣдь!

— А ты—пиголица,—отвѣтилъ онъ добродушно и передалъ меня въ объятія лакею Степану, который когда-то ловилъ насъ съ Петей на охотѣ за зелеными яблоками и подводилъ подъ нежелательный «сюкупъ».

Степанъ, благодаря Богу и времени, оказался относительно объятій слабымъ и весьма почтительнымъ слугой. Его «ручныя» заключенія сравнительно съ таковыми дяди и кузена были настолько терпимы, что я не успѣлъ, кажется, даже покраснѣть и благодарилъ Господа Бога за то, что дядя привезъ съ собою именно Степана, а не кого-либо другого.

Всю дорогу болтали обо всемъ, что интересовало дядю и меня. Незамѣтно мы подкачали къ старому барскому дому и были встрѣчены на крыльцѣ тетей.

Объятія тетки были, разумѣется, согласно ея женскому полу, мягки и нѣжны; нѣжны до того, что мнѣ вдругъ захотѣлось ѣсть. Растрясло ли меня въ дорогѣ, или объятія дяди и кузена были настолько энергичны, что повлияли на мой аппетитъ, но мнѣ ужасно захотѣлось ѣсть.

— Вотъ твоя комната, Сережа,—говорилъ дядя, со вздохомъ посматривая на мой тощій, какъ фараоновская корова, чемоданъ, который внесъ слѣдомъ за нами Степанъ.—Окно выходитъ прямо на огородъ, на которомъ произрастаютъ всякіе овощи. Умойся и приходи въ столовую обѣдать.

— Сію минуту, дядюшка,—поторопился я отвѣтить, предвкушая заранѣе всю прелесть и рюмки водки, и здороваго деревенскаго обѣда.

Не прошло и пяти минутъ, какъ я очутился въ просторной столовой, по срединѣ кото-

рой стоялъ длинный, очень длинный столъ, накрытый бѣлоснѣжной скатертью. По срединѣ этого стола возвышались два большихъ, семейныхъ графина, наполненныхъ до самой пробки квасомъ и водой. За столомъ уже сидѣла вся семья, дядя, тетка, Петя и старая экономка, которая, въ ожиданіи обѣда, перебирала въ карманѣ ключи.

— Садись, Сережа, ко мнѣ,—указалъ дядя на свободный стулъ, стоявшій возлѣ него,—вотъ такъ... Проголодался, поди, а?

— Есть отчасти,—усмѣхнулся я.

— Это очень естественно, не правда ли, мамочка?—нагнулся дядя въ сторону тетки.

— Очень естественно,—произнесла та, съ любовью поглядывая на меня.

— Еще какъ естественно-то,—добавилъ Петя, расплываясь въ широкую улыбку и хлопая меня своей медвѣжьей лапой по колѣну.

— Ты, надѣюсь, Сережа, водку передъ обѣдомъ не пьешь?—справился у меня дядя.

— Пью, дядя.

— Неужели?—поразился онъ.—Онъ водку пьетъ, скажите, пожалуйста!—повернулся снова онъ къ теткѣ.

— Ахъ, какъ это нехорошо!—покачала головой тетя.

— Водка убиваетъ организмъ, ибо алкоголь...—началъ было Петя, но дядя его прервалъ возгласомъ:

— Водки, Сережа, у насъ нѣтъ, потому

что никто въ нашей семьѣ не употребляетъ спиртныхъ напитковъ.

— И прекрасно. Я обойдусь и безъ водки, не безпокойся, дядя,—поспѣшилъ я успокоить дядюшку.

— И умно сдѣлаешь. Вино—ядъ какъ для организма, такъ и для души. Вотъ квасъ. Пей его, не страшись. Мамочка, налей Сережѣ квасу и вели подавать супъ.

Неизвѣстно для чего, я выпилъ залпомъ стаканъ квасу и принялся за супъ, который мнѣ подаль Степанъ рукою, облеченною въ бѣлую нитяную перчатку.

Супъ оказался бурдой, отзывавшейся прѣлою зеленью и кипяченою водой.

— Не правда ли, супъ очень хорошъ?—наклонилъ ко мнѣ голову дядя, лѣниво, сквозь зубы пропуская ложечку супа.

— Да, но... мнѣ кажется, дядя, что кусокъ говядины... былъ бы не лишнимъ для этого прекраснаго супа.

— Говядины?—съ ужасомъ произнесъ дядя.—Мамочка, онъ ѣстъ говядину!

— Это ужасно!—проговорила тетя,—бѣдный Сережа!

— Ты ѣшь говядину? Несчастный!—закачалъ головой Петя, у котораго отъ этого движенія затряслись румяныя щеки.

Я, можете себѣ представить, даже ротъ разинулъ. Куда я попалъ?

— Дядя,—началъ я, наконецъ, приходя въ себя отъ изумленія,—я не понимаю, что ты

находишь ужаснаго въ томъ, что я ѣмъ говядину? Ёдятъ ее всѣ... Ёшь, надѣюсь, ее и ты.

— Я?—поднялъ руки кверху дядя,—ахъ, да я и забылъ совсѣмъ, что ты погрязъ въ столичныхъ искушеніяхъ и судишь по себѣ обо всѣхъ. Я долженъ сказать тебѣ, другъ мой, что мы, т.-е. я и вся моя семья, давно уже не употребляемъ въ пищу говядины.

— Вотъ какъ?

— Да. Мы давно пришли къ тому заключенію, что мясная пища вредно вліяетъ какъ на физическую, такъ и на моральную сторону человѣка.

— Понимаю,—перебилъ я дядю,—значить, вы... вегетаріанцы?

— Вегетаріанцы.

— Именно вегетаріанцы, Сережа, — подтвердила тетя.

— Абсолютные вегетаріанцы, братъ, — заключилъ Петя, торжественно подмигивая мнѣ и хлопая лапой по моему колѣну такъ, что я привскочилъ на стулѣ.

— Вы... вегетаріанцы? — переспросилъ я, подозрительно посматривая и на румяныя щеки Пети, и на румяные носы дяди съ теткой.

— Вегетаріанцы!—хоромъ отвѣтили они.

«Вотъ оно что,—подумалъ я, отодвигая отъ себя тарелку съ бурдой,—вонъ оно куда вегетаріанство-то хватило, въ Чертополохинскій уѣздъ!»

И, какъ будто отвѣчая на мою мысль, дядя проговорилъ, наклоняясь ко мнѣ:

— И удивительнаго въ этомъ, Сереженька, ничего нѣтъ. Ужъ если у васъ, въ столицахъ, такіе столпы, какъ графъ Толстой и покойный писатель Лѣсковъ, вегетаріанскою пищею свое брѣнное существованіе поддерживали и поддерживаютъ, то намъ, грѣшнымъ, захолустнымъ медвѣдямъ, и Богъ велѣлъ.

И дядя тутъ же, между печеною брюквою и томленою брусникой, пустился доказывать мнѣ весь вредъ мясной пищи и всю пользу злаковъ, произрастающихъ, даже по Писанію, «на пользу человѣковъ».

— Слоны, на примѣръ, Сережа,—говорилъ дядя самымъ убѣдительнымъ вегетаріанскимъ тономъ,—слоны, другъ мой, питаются исключительно растительною пищею, а живетъ по двѣсти и по триста лѣтъ.

— Папа, есть слоны, которые живутъ по четыреста и болѣе лѣтъ,—замѣтилъ восторженно Петя, съ наслажденіемъ проглатывая кусокъ противной брюквы.—Я читалъ объ этомъ не разъ.

— Даже по четыреста лѣтъ, другъ мой Сережа.

— Но позволь, дядя. Зачѣмъ намъ непременно брать слона? Не одинъ слонъ питается растительною пищею... возьмемъ, на примѣръ, пѣтуха.

— Какого, мой другъ, пѣтуха?

— Какого хочешь: простого, индѣйскаго...

вообще пѣтуха... Сколько лѣтъ можетъ прожить пѣтухъ, не рискуя попасть въ супъ?

— Зачѣмъ же, другъ мой Сережа, мы будемъ брать въ примѣръ пѣтуха? Возьмемъ лучше слона... слонъ, такъ сказать, животное зоологическое.

— А пѣтухъ — домашнее. Все домашнее, мнѣ кажется, гораздо ближе къ намъ самимъ и нашимъ наблюденіямъ.

— Но постой, постой! Толстой, напри-
мѣръ, въ литературѣ что такое: пѣтухъ или слонъ?

— Оставимъ, дядя, мы Толстого въ сторонѣ. У насъ идетъ рѣчь не о литераторахъ, а о растительной пищѣ. Ты говоришь, что, благодаря этой растительной пищѣ, слонъ можетъ прожить триста-четыреста лѣтъ, а я тебѣ говорю, что пѣтухъ, употребляя ту же растительную пищу, не выживетъ и десяти... Какое десяти, гораздо меньше лѣтъ.

— Да что мнѣ твой пѣтухъ! — обидѣлся дядя. — Взялъ какую-то дрянъ и носится съ ней! Я тебѣ слона въ примѣръ привожу, настоящаго представителя зоологическаго царства, а ты шутъ знаешь что приводишь... У насъ пословица даже такая есть: пѣтухъ — не птица.

— Курица, дядя.

— Все равно, изъ одной семьи и тотъ и другая... А ты мнѣ пѣтуха въ примѣръ приводишь.

— Пѣтухъ, Сереженька, ни въ какомъ слу-

чаѣ доказательствомъ служить не можетъ,—заявила тетя.

— Какое ужъ, братъ, пѣтухъ доказательство! Эхъ, ты, фюфанъ столичный!—щелкнулъ меня снова по колѣну кузень.

Я чуть не вскрикнулъ отъ боли и невольно проглотилъ какую-то дрянъ на подсолнечномъ маслѣ.

— Если ужъ ты такъ скептически относишься къ слону, другъ мой Сереженька,—заговорилъ дядя, уписывая за обѣ щеки жареную морковь съ картофелемъ,—посмотри на насъ: ровно четыре года мы питаемся исключительно растительною пищею и, какъ видишь, мы цвѣтемъ.

— Чувствуемъ себя здоровыми, бодрыми, веселыми, — продолжала дядину филиппику тетя.

— И совершенно уравновѣшенными,—закончилъ Петя, пожимая мою руку такъ, что кости хрустнули.

— А ты посмотри на себя, на кого ты, другъ мой Сережа, похожъ?—ораторствовалъ дядя, прижимая руки къ жилету, на которомъ изъ шести пуговицъ нехватало ровно пяти.— Узкія плечи, шея, какъ у гуся, на головѣ, незирая на младые годы, укоряющая проплѣшина.

— Лицо блѣдное, глаза впалые,—точно эхотворила тетя.

— И носъ заострился, точно у покойника;—добавилъ Петя,—раздавить тебя двумя паль-

цами, какъ блоху, ничего не стоитъ... Эхъ, брать!..

И Петя съ такою укоризной покачалъ головой, что я невольно схватился за свой покойницкій носъ.

«Шутъ ихъ знаетъ,—пронеслось у меня въ мысляхъ,—можетъ-быть они и правы... Можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ люди, питающіеся пищею животныхъ, этою самою естественною пищею, данной имъ Богомъ и природой, становятся здоровѣе и тѣломъ, и духомъ».

«Есть вещи на свѣтѣ, другъ Горацио,—вспомнились мнѣ слова Гамлета,—которые не снились нашимъ мудрецамъ».

Вегетаріанцы, положимъ, не ахти какіе мудрецы, но отчего же имъ не могутъ присниться такія вещи, какія не снятся настоящимъ мудрецамъ?

Попробую сдѣлаться вегетаріанцемъ.

Я знаю, напримѣръ, что ослу очень неприятно, когда на него взваливаютъ лишнюю тяжесть. Онъ реветъ, но... тѣмъ не менѣе взваленную на него тяжесть везетъ. Отчего же и мнѣ не уподобиться пресловутому ослу и не взвалить на свою спину, насколько хватитъ терпѣнія, тяжесть въ видѣ вегетаріанскаго ученія?

Изъ-за стола, несмотря на такія разумныя разсужденія, я вылъзъ голоднымъ и приложился къ полной и слѣгка даже припухлой ручкѣ тети.